

«Асеями» в старину русские моряки и жители портовых городов называли англичан — от выражения «I say» («я говорю»).

Каждый вечер, ровно в семь часов, он появлялся в трактире «Друг моряка» и заказывал стаканчик рома. Говорят, по немцам можно сверять часы. Оказывается, по асеям — тоже.

Крестьянин Онежского уезда Егор Хаймусов, угощая земляков, прибывших из Салмово продавать рыбу, и своих архангельских знакомцев, которых у него было великое множество, любил повторять историю про асея Ричарда, былого завсегдатая трактира.

— Ричард по-русски говорил прилично. Любил с новыми людьми знакомиться. Меня — так сразу заприметил, ромом угостил, спросил, как зовут. «Хэллоу, Эйгор!» — меня всякий раз приветствовал, как в трактир заходил. Допытывался всё, что за имя такое диковинное, в Англии подобного нет. «Отчего же диковинное, говорю, самое что ни на есть обычное! От Георгия, а Георгий — святой воин-победоносец.» «Йес, Сент-Джордж!» — радостно так воскликнул асей, и с тех пор меня

по-своему Джорджем величал. Ром любил, только всё хвастался, что в их Великой Британии ром лучше (наши-то поморы всё норвежский пьют).

— А каков из себя-то был твой асей? — спрашивали поморы.

— Ну какой... нешто англичанина не видал? Волосы светлые, почти рыжие, спутанные немного, не кучерявые, но и не прямые как у меня, вьются слегка. И с висков на щёки опускаются... как их зовут-то?

— Бакенбарды, — недолго подумав, вставил кто-то.

— Ну да... Бородка округлая, подстриженная, усы такие пышные. Нос крупный. И в зубах всегда трубка зажата. Кэп без трубки — что судно без бушприта, — так Ричард сказывал.

— Скорей уж — как пароход без трубы, — добавлял холмогорец Демид, важно оглаживая бороду. — Дымил, наверное, как истый пароход.

— Не, он курил редко, больше мунштуку эту грыз. Сидит себе и грызёт, потом трубку отложит, рому в чай себе плесканёт — никогда запросто так не пил, только с чайком. И опять грызёт, как мой младший — Митюша — ногти. Брови у асея большие, густые. А глаза — зелёные, как

вот тот абанжур под потолком. Или нет, посветлее будут — как стекло у того штофа, — он указал на соседний столик, где сладко посапывал нагруженный купчик. — А вот фамилию его я запомнил. Вроде на «сон» кончается. Так мы по именам друг друга.

— Ты его прямо в красках описал, — восхитился Демид. — Как живого вижу: усатый, борода ровная, глаза стеклянные. Да хоть сейчас в участок беги и приметы докладывай: так и так, видели в трактире разбойника, всё, как есть, в описании моем совпадает.

— Эх, кабы я тогда этого кэпа за шкуру да в полицию, — промолвил помор, пригубив ром из стаканчика. — Долго б ему тогда моря не видать, до самого конца проклятой войны.

— И что потом? — хитро щурясь, спросил старый рыбак Нифантий из Лопшеньги.

— Потом? Арестный дом! В тюрьму, значит, уечь его. А из-за решётки моря не углядишь.

— За что ж его в тюрьму-то волочить, к вора и душегубцам? — удивился сын Демиды Пётр.

— Не слыхал значит, о делах асей Ричарда? А вот про то я тебе сейчас и поведаю.

Хаймусов плеснул ещё рома, выпил и продолжил рассказ:

— Так вот какое дело. Любил этот асей подсесть к какому-нибудь поморскому мужичку и угощать его. Чаще всего обхаживал меня с братом Панкратом. Охотно о себе рассказывал, фотографическую карточку показывал, где жена и детишки. Тогда

фото ещё в диковинку было. Водил он в Архангельск большой корабль, «Ярмут» называется.

— Видали-видали. Красавец-парусник! — встрял Нифантий.

— Ты слушай далее. Возил он на этом «Ярмуте» барахло всякое. Бывало, говаривал:

— Вы, русские, нам доску отправляете, а мы вам изделия с наших фабрик, мануфактуру там разную, технику-механику по морю доставляем. Потому как русские окромя сырья ничего западным народам продать не могут. А Англия — всему свету мастерская! И пароход, и паровоз мы первые построили! Куда уж вам! Ничего-то у вас своего нет, всё завозное.

— Это как же?! — я даже привстал. — А корабли, что на Грумант ходят, кто ж строит? Неужели тоже англичане? Или наши поморы?

А он так смеётся и отвечает:

— Да ты сравни свою посудину с любым нашим фрегатом. Не более как большая шлюпка.

— Зато, говорю, какая ни есть, а и на Матке, и на Колгуеве, и на Груманте бывала. И в Норвегу хаживала. А фрегаты на русских верфях тоже строят, между прочим. А стаканы, рюмки, из которых мы тут пьём, разве не на русском стекольном заводе сделаны?

— Вот-вот, — говорит, вынув трубку изо рта, — вы, русские, выпить любите, потому в стеклянно-стаканном деле большие есть мастера.

Другой бы за свой народ обиделся, может быть, до кулаков дошло, если б ещё выпил лишнего, а я ему спокойно, тоже с улыбочкой:

— Так англичане-то порой хлещут поболее нашего! Вот вчера видал, как двое матросов с английского корабля третьего волокли. Тащат его, сами едва на ногах стоят. Смех и грех!

— Это верно, — он тоже улыбнулся, — пьянство — порок всечеловеческий. А на востоке, где вера пить запрещает, там и того хуже — дурман-траву всякую курят, оттого с ума сходят. А ты за своих земляков не обижайся, Джордж, — и по плечу меня похлопал. — Есть народы на свете и более дикие. Я много по морю ходил и всякого навидался. Где червяков едят, где людей на ужин жаривают, Бога истинного не знают, нагишом ходят. А мы им свет несём. Да только народы эти к нам неблагодарны: мы их к культуре приучаем, а они бунтовать горазды. Вот в Индии нам приходилось бунтовщиков усмирять: к пушкам их привяжем — бух! — прямо к самому Брахме на небо. А иначе нельзя — они только силу уважают: ты к ним с лаской, а они тебе норовят нож всадить. Один страх и сдерживает!

Возмутился я тут:

— Что же это за культура ваша такая, чтоб живых людей к пушкам привязывать и в небо ими выстреливать? На Руси никогда такого изуверства не было.

А он сразу тон голоса сменил и давай меня улещивать. Стал тут Россию хвалить — вторая, говорит, империя в мире после Британии. За царя предложил выпить — «другого такого властителя во всём свете не найдёшь». Выпили. А он к брату Пан-

крату наклонился. Я, говорит, русских офицеров уважаю, особенно же морских. У вас, мистер Хаймоус, среди знакомых офицеров или мичманов нет? Мечтаю дружбу завести, — и налил брату рома.

Панкрат, он выпить любит. Нет, запоями не пьёт, ум в вине не топит, а вот хорошее застолье — уважает. Одна беда: трезвый он молчаливый, а как выпьет лишнего, так язык развяжется, мелет, что ни попадя. А я хоть и в подпитии был, а вопрос англичанина сразу насторожил. Глаза у него уж больно хитрые, что-то недоброе, видать, замышляет. Верно, выпытывает у пьяного то, что ему, королевскому подданному, про российский флот знать не полагается. Панкрат уж рот разинул, сказать готовится, а я тут встрял:

— Не знакомы мы, говорю, с офицерами морскими. Мы люди простые, крестьяне поморские, рыболовы, матросами на военных кораблях не служили. Офицеры — они ж все дворянского сословия. Не сподручно им с простыми мужиками дружбу водить.

Он вроде замялся, отвернулся, а я на ухо братцу быстро шепнул: «Молчи! Молчи как рыба! Если что спрашивать будет — я отвечаю, ясно тебе?» Он кивнул — понял, мол.

В тот вечер он больше про офицеров речь не заводил. Другой раз сидели мы в трактире всей ромшей, только Дениса с нами не было — его море взяло: у Мудьюга карбас перевернулся, он и потонул, до берега не дотянул. — Егор грустно помолчал. — Сидели мы тогда, товарища поми-

нали. Тут и асей появился. «Соболез- ную вашему горю, господя поморы». И откуда прознал только? Подсел к нам. Пьём, говорим, он слушает да трубку свою грызёт. Зашла тут нена- роком речь о флоте нашем. Все по- беды вспомнили — и о том, как Ваня Рябов шведов на мель заманил, про крепость Петрову. Тут англичанин и спрашивает ни с того ни с сего: «А где она, эта крепость?» Я тут же: «На Двине стоит, на берегу, а где в точности — сие мне неведомо, в сте- нах её никогда не бывал, ничего не видал». А ребята сразу смекнули, к чему тут заморский гость клонит, и тоже головами мотают — не были, не знаем, дело то военное, нас туда и близко не подпускают.

Опять про Дениса горемычного речь пошла. Вспомнили про то, как однажды в бурю его карбас выбро- сило возле пушечной батареи в устье Двины. Выжил тогда дружок — спа- сибо солдатам: откачали его, у печи согрели в караулке, чаю горячего да водки дали, за лекарем послали, не мешкая. И тут наш асей вопрошает: «А где такая батарея стоит? И сколь- ко же в каждой такой батарее пушек будет? У нас в Англии тоже устья рек пушкари охраняют».

Панкрат опять рот разинул. Я его под столом ногой лягнул: «Молчи!» и сам спрашиваю:

— А что ж вам это так любопытно про пушки-то, господин англичанин? Знал я одного любопытного: лю- бил он, будучи в гостинице, в замоч- ную скважину глядеть, что за дверь- ми деется. А постоялец в это время, пока он подсматривал, как ткнёт

ключом в скважину — и глаза как не бывало. С тех пор уж не глядит — боится второй глаз потерять.

Асей так и замер. Не по нутру ему слова мои пришлись. И целый час потом молчал, закусив губу. А потом война началась с турками да англи- чанами. И пропал наш асей, и нет о нём вестей. Как порохом запахло — ушёл его «Ярмут» среди ночи назад в Англию.

Выпили поморы, помянули всех, кого море забрало.

— Ты сказывай дальше, Егор. — Демид нетерпеливо теребил угол за- сальной скатерти.

— Ну, так вот, — продолжил Хай- мусов, отложив надкушенный бутер- брод с ветчиной. — Мы вернулись с братом в родное Салмово. Каждую весточку из Севастополя ждали с нетерпением: как там русские сол- датики, бьют ли врага или терпят поражение? Газету за прошлую не- делю из рук в руки передавали, зачи- тывались. Радовались, когда наши в далёком Петропавловске нападение отбили. А тем временем англичане до наших берегов добрались. За- хватывали поморские суда, грабили их, топили, на берег высаживались. А как прознали мы, что фрегат «Ми- ранда» Соловецкую обитель из пу- шек обстрелял, по церквам палил, ох и гневались тогда! Парни наши гото- вы были на карбасах в море выйти всем скопом — на англичан напасть. Да только отговорили их: пустое это дело, погибнете почём зря, горячие головы! Зато как мужики да мона- хи неприятелю отпор дали! Да-да, и Божьи люди тоже не растерялись.

Заповедь «Не убий» не про врагов Отечества писана. А тем временем иноземцы Пушлахту разграбили и другие селения. Чую, к нам подбираются.

Нифантий, затаив дыхание, слушал речь Егора. Демид ворошил борду, уголком скатерти утёр губы.

— Салфетки ж на то есть, — укоризненно произнёс зверопромышленник Илья.

— Ах, да, — Демид встрепенулся. — Заслушался я...

— Первым из земляков пострадал Сидор Пошевнев. Вёз он на своей лодье хлеб для поморских селений. Погнались за ним асеи, стреляют, кричат, требуют остановиться. А он, знай, смеётся да мешки с мукой один за другим в море кидаёт, чтоб врагу не достались.

— Зачем же так с хлебушком-то? Грешно, — промолвил Демид. — Людей без хлеба оставил.

— Ну, потерпели малость, хлёбово без хлеба поели, зато врагу не досталось! — стукнул кулаком по столу начинавший уже хмелеть рассказчик. — Ты слушай дальше. Не догнали его англичане, даже не задели, хоть много пуль вслед лодье выпустили. Он к берегу пристал, выскочил — и в кусты. Те из пушки по лодье ударили — в щепки разнесли. Уж он убивался, плакал — ничего, новую сшил, лучше прежней. Ещё потом двоих поморов на тоне с корабля обстреляли — да Бог миловал, оба живы вернулись.

И вот, значит, утром рано, солнышко над борком взошло уж высоко — лето было — смотрим: стоит красавец-фрегат у входа в губу.

Наши на берегу: кто рюжу чинил, кто на подворье возился, кто лошадку запрягал — в Онегу собирался. Многие из изб на берег высыпали, чтоб на корабль поглазеть. Видим — гребут к нам две ихние гички, в каждой по дюжине матросов и офицер на носу. Миновали луды каменные, прошли бар. Пристали они к берегу, на песок соскакивают. А впереди команды — он самый, Ричард. В руке флаг крестовый — воткнул его в песок. Жонки наши по домам разбежались, мужики — кто в избу, кто стоять остался. Идёт асей Ричард, мундир на нём воинский с иголки, так и скрипит. Это раньше он в полинялом кителе ходил в трактир, а тут — красавец-морьяк, наверно, все аглицкие девки от такого без ума будут. Он своим скомандовал — те по берегу рассыпались как горох, стали мужиков ловить и в одно место сгонять. Тычут меж лопаток прикладами, ругаются по-своему. Собрали нас Ричард и другой офицер, что с ним был. Говорит асей в такую вот штуку, — Егор раструбом приложил ладони к губам.

— Рупор, — подсказал Илья.

— Вот-вот. И говорит он: нам, дескать, надобны вода и провиант, то есть еда. А шурин мой, Борис, вышел вперёд и отвечает ему дерзко:

— Врагу Отечества ни воды, ни жратвы мы не то что не дадим, а и за деньги не продадим.

Асей на то ему таким разочарованным голосом:

— Эх вы, рашены! А я думал, народ счедрий. Не хотите волей дать — сами заберём. — И скомандовал ма-

тросам, чтобы в избы шли. Что тут началось-то! Погнали нас тычками и пинками к избам. Ричард меня приметил, подозвал своих вояк — они меня под руки и к нему потащили. «Ну, вот и свиделись, приятель. Помнишь тот трактир?» А я ему на это:

— Отчего ж не помнить! Помню, как ты ром подливал да говорунов искушал, чтоб тебе про пушки да про корабли лишнее сболтнули. Ну, и много тебе порассказали поморы?

— Отваших крестьян толку мало, — говорит и улыбается. — А вот с чиновниками портовыми я задушевные беседы вёл. Так они после третьего стакана столько мне поведали... Правда, потом учуяли неладное, мол, разговоры-то с подвохом, да уж поздно было, я в Лондон скоренько отбыл. Зато теперь знаю, как в Архангельский город пройти, все мели, все течения — и лоцман не надобен. — Вижу, привирает он, а всё ж боязно и тревожно за город.

— Так что, говорит, веди-ка меня в свою избу, посмотрю, как поморский народ живёт. — И пистолет вынул, и на меня навёл. Что мне оставалось делать? Повёл его в избёнку свою. А на пути тут как назло дед Тёмка подвернулся, Артемий, значит, Кошелев. Старый уж, ещё с французом воевал, награды за то имеет. Гляжу: бежит навстречу нам с рогатиной, орёт «Бей проклятых!» Ричард опять улыбнулся и в него свой пистолет разрядил. Дед упал замертво. Жонки — в крик. Я стою, оцепенел. За что, говорю, убил старика, ирод? А он мне: «У вас это называется “для острастки”. Чтоб другим неповадно

было!» Я зубы сжал, думаю: будет и вам острастка, вояки! Ввёл их в свою избу. А те сразу по полкам шарить, жену в сени выставили, а меня держат под прицелом. Дайте, говорю, я сам вам отдам, что надобно. Двое уж в подпол полезли, двое сундук взломали и одёжку перебирают. Ричард кивнул мне. Я в старый поставец полез, ящичек выдвинул и из-под тряпок кошелёк достал, там медь была и серебра немного. Взвесил так вот на ладошке и говорю: «Вот те, асей, плата за ром и закуску, теперь в расчёте мы!» — и прямо в морду его улыбочивую кинул. Он отшатнулся, кошелёк на пол упал, он его ногой отпихнул к матросу: бери, мол.

Тот морячок, как ястреб на куропатку, на кошелёк мой бросился, схватил. «Это ему на стакан джина и чего-нибудь перекусить, — говорит, — у вас, русских, денег много не водится». А матросы его как воры по избе рыщут. Взяли даже деревянные ложки. На что им? Не серебро ж... Нож, которым хлеб режут, рыжий матрос взял и гогочет — вот мол, и у меня есть кортик не хуже офицерского! Взяли и чашки, что покрасившее будут, с цветами да птицами. Рушник со стены сняли. А потом увидел Ричард в углу икону, образ Георгия: православный воин на коне гадину разит копьём. Пальцем ткнул в неё и говорит: «Вот он какой, русский Сент-Джордж, возьми на память. У тебя икон и без того много. А Джорджа я себе забираю. У меня дома полно таких безделок: истуканы многорукие из Индии, идолы негритянские, из Китая кое-

что привёз. Будет и русская икона». У меня тут кровь к лицу прилила, скулы свело. Чтоб икону прадедовскую этому зверю отдать?! Нет!

Он повернулся ко мне спиной, обеими руками икону со стены снимает, лампадку на пол уронил. Вижу: а пистолет-то он на поставец положил. Матросики его тоже оружие оставили: один в шкафчике шарит, другой за печку голову сунул. Думает — золото там прячем. А двое в подполе возьятся. Ну, думаю, была не была. Схватил я пистолет, да и выстрелил в спину тому грабителю, что из шкафа платье вытряхивал. И с первого выстрела наповал. У Ричарда икона из рук выпала на поставец, уставился на меня своими зелёными глазами. Второй солдат из-за печки выскочил, бросился к ружью своему. Я тут Ричарда ногой в брюхо пнул, тот упал, стул опрокинул. Солдат уж ружьё вскинул — а я в него — бах! Видно, сам архангел Михаил, предводитель воинства небесного, моей рукой водил. И этого уложил рылом в половицы! Ричард на меня накинулся, одной рукой глотку давит, другой норовит пистолет вырвать. Я изловчился и в живот ему локтем двинул. Он скрючился, а я через стол перепрыгнул, в сени бросился к жене. А она уж на пороге стоит, белая как мел. Перед тем я успел ещё стол опрокинуть и крышку в подпол завалить. Там, внизу, уже почуяли неладное, колотятся, ругаются. Асей вскочил, стол стал отодвигать. А я пулею из дома и Таисья со мной. Уж как мы бежали по улице — то! Кругом уж стрельба слышна; видно, не

один я такой — у кого ружья были, те их в ход пустили, бьют асеев. Мы за угол Фоминой избы свернули — а вслед нам уж палят. Пуля от венца отскочила, щепку выбила, прямо над моей головой. Ломимся через ивняк, ветви по лицу хлещут, и сзади, слышу, бегут. Мы на берег выскочили, недалеко от места, где речка в губу впадает — и за карбасом спрятались. Ричард выбежал, с ним двое солдат. «Выходи, кричит, если сам не выйдешь — достану и убью». А в пистолете у меня один патрон остался! Он меня не видит, озирается, мечется перед карбасом, на кусты оглядывается. Матросы тоже головами вертят, бестолочи. У меня душа в пятки. Думаю, найдут — и меня убьют, и жену молодую.

Слышу сзади треск, вываливаются на берег и женин брат Борис, и Кузьма, и Алексей, и Филька, и ещё кто-то, не помню уж. У кого ружьё, у кого топорик. Кузя одного матроса прикладом по руке, тот вскрикнул, своё оружие выронил — а ему пулю в лоб. Второго Филипп топором по переносице — готов! И тут я из-за карбаса встаю и кричу:

— Эй, земляки, вяжите этого супостата! Властям сдадим. Не бывать аглицкой власти в Поморье никогда! Они, ежели нас одолеют, к пушкам будут привязывать и в небо нами палить. Не бывать этому! Никогда поморы перед асеями не склонятся!

И тут у асея лицо перекошило, он свой кортик из ножен перехватил и в меня швырнул. Тот в плечо вонзился, на всю жизнь у меня след остался. А Ричард как припустил по берегу,

что никакая пуля не догонит. Моя догнала. Правая рука огнём горит, так я пистолет-то в левую переложил и выстрелил. Он за щёку схватился, видно, как кровь меж пальцев струится на манжету. Мы за ним бежим, а он так чешет от нас, как лось от стаи волков.

— И чем же всё кончилось-то? — спросил Нифантий.

— Шестерых мы положили: двоих — я в моём доме, двоих — на берегу у карбаса, одного Борис на пороге своей избы пристрелил, одного убили, когда он Кузин огород разорял. Трёх, кажется, ранили — Ричарду я печать на щеке оставил, двух ещё потом покалечили. Они флаг схватили, в гички попрыгали — и давай грести прочь. Мы напоследок пару залпов прощальных дали — может, кого ещё убили или зацепили, про то не знаю. А наших

четверо погибло: дед, который ещё французов бил, братья Варзугины да Вавилка, Борисов сын — его случайная пуля сразила. Пока бежали асеи, спасаясь от поморского гнева, награбленное добро по дороге растеряли. Тут ложка лежит, там прялка (неужто прясть обучены?), с бельём корзина, рубли рассыпаны, связка вяленой рыбы. Воры, а не воины!

— Хороший отпор разбойники получили! — восхищённо проговорил Илья. — Поделом-то!

— Это ты верно сказал. У меня на память от Ричарда кортик остался — отдал Таисье, в хозяйстве сгодится. Пистолет без патронов. Ещё кричалка эта... И шрам глубокий на плече. И у асея тоже шрам — на щеке. Видел я этот кровавый след, когда он обернулся: от ноздри и дальше книзу. Вот тебе на память от поморов — пуля вместо иконы.